

**ЛИНГВОТЕНДЕНЦИИ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА И СТИЛЬ РОМАНА
А. К. ТОЛСТОГО «КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ»**

*Работа представлена кафедрой русского языка и методики его преподавания
Армавирского государственного педагогического университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор М. Н. Нестеров*

Статья содержит новую оценку романа А. К. Толстого «Князь Серебряный», в частности его стилистики, которая формируется в отечественной филологии постсоветской эпохи.

The article presents new evaluation of the novel «Prince Serebryaniy» by A. K. Tolstoy in terms of its stylistics which was formed in Russian philology of the post-soviet era.

Исторический роман А. К. Толстого «Князь Серебряный» в лингвостилистическом аспекте еще слабо изучен. Исследовательский интерес к творчеству А. К. Тол-

стого в советскую эпоху долгое время сдерживался негативной идеологической оценкой писателя как сторонника теории «чистого искусства». Не соответствовал эпохе

культы личности с ее массовыми репрессиями и пафос художественно-исторических произведений А. К. Толстого, особенно романа «Князь Серебряный», в котором резко осуждается деспотизм и произвол Ивана Грозного. В связи с этим на произведения писателя вульгарно-социологической критикой навешивается ярлык «упаднической литературы». Однако в 1970–80-е гг. с ослаблением идеологических установок появляется целый ряд литературоведческих работ, посвященных творчеству А. К. Толстого, в частности его драматической трилогии (В. С. Клюев, С. И. Кормилов, Т. В. Иванова, В. И. Кулешов, Б. Г. Окунев, И. А. Овчинина, Т. П. Дудина, Г. И. Стафеев и др.). Появляются отдельные работы и о языке художественно-исторических произведений писателя (М. Н. Нестеров, О. Е. Вороничев). Но разносторонних лингвостилистических исследований языка и стиля художественно-исторических произведений А. К. Толстого до сих пор еще не было. Между тем роман А. К. Толстого об эпохе Ивана Грозного и драматическая трилогия представляют собой важный, знаменательный этап в поступательном развитии стилистики русской художественно-исторической литературы XIX столетия. Наше исследование и ставит своей целью раскрыть особенности речевого строя стилистики романа А. К. Толстого как этапного явления в развитии русской исторической литературы XIX столетия.

Стилистика русского исторического романа, как известно, интенсивно формируется в 20–30-е гг. XIX в.¹ В романах Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем», К. Масальского «Стрельцы», М. Н. Загоскина «Юрий Милославский», И. И. Лажечникова «Последний Новик», «Ледяной дом», А. Ф. Вельтмана «Кашей Бессмертный», а также в повестях Бестужева-Марлинского, драматических произведениях Н. Погодина и многих других авторов формировались принципы и приемы художественного решения основных проблем стилистики исторического жанра. Наиболее актуальными были: 1) отношение к доку-

ментальным источникам и формы документирования художественного текста, 2) построение повествовательной речи рассказчика и формы ее документирования, стилизации, 3) достоверность и характерность речевых характеристик исторических героев, 4) характер и приемы употребления архаических языковых средств, создающих исторический речевой колорит, 5) отбор и употребление современных языковых средств, в частности разговорных, просторечных, диалектных, 6) жанрово-стилистическое использование фольклорных языковых средств. Несмотря на обозначившиеся разные направления в художественном решении всех этих сложных проблем, в целом качество художественно-исторической литературы повышалось, углублялся историзм художественных произведений о прошлом, романтическая условность изображения прошлого постепенно все больше уступала место реалистическим приемам, преодолевался стилистический контраст между современной речью повествователя и архаизированной речью героев, многословные повествовательные тексты от лица автора все больше уступали место драматическому диалогу. Все эти позитивные черты поступательного развития и обогащения стилистики русской художественно-исторической литературы нашли свое яркое отражение в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина, «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя.

Наряду с романами, повестями в 1820–30-е гг. создаются и исторические драмы: «Борис Годунов» А. С. Пушкина, «Марфа Посадница» Н. Погодина и др. Однако особый интерес к исторической драме приходится на 1840–60-е гг. В этот период создается и драматическая трилогия А. К. Толстого. Роман «Князь Серебряный» первоначально задумывался тоже как драма. Однако в процессе работы была избрана жанровая форма романа. В то же время черты драмы заметно отразились в романе и положительно сказались на его стилистике.

Существенным недостатком многих исторически повестей и романов 1820–30-х гг.

была, как отмечал В. В. Виноградов и другие исследователи, стилистическая разнотипность обезличенно современной речи повествователя и архаизированной речи героев. А. С. Пушкин этот стилистический дисгармонизм в «Капитанской дочке» преодолел посредством персонифицированного повествователя от лица главного героя, участника описываемых событий, речевые навыки которого соответствуют эпохе и гармонически сочетаются с речью других героев. А. К. Толстой в романе «Князь Серебряный» пошел иным путем. Он синтезирует художественный опыт своих предшественников и создает качественно новую структуру исторического повествования.

Основным документальным источником для А. К. Толстого, как и для А. С. Пушкина, других романистов, драматургов предшествующего периода, была многотомная «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Многотомный труд Н. М. Карамзина служил одновременно и богатым источником средств языковой стилизации, создания речевого колорита описываемой эпохи. Использовал писатель также исторические труды Н. Н. Костомарова, А. В. Терещенко, М. П. Погодина и другие источники. Но в отличие от русского исторического романа 1820–30-х гг., обезличенно-авторское повествование в котором часто насыщалось архаическими цитатами из документов, историческое повествование в романе «Князь Серебряный» лишено такой внешней документированности. Языковые средства, почерпнутые писателем из документальных источников, органически включаются в речь повествователя без выделения кавычками, они стилистически гармонируют в повествовании с другими языковыми средствами, образуя единый повествовательный стиль, приближенный к эпохе.

Черпая из документальных источников достоверные речевые формы прошлого, А. Толстой стремился к выразительной и точной передаче наиболее общих и характерных черт языка эпохи. Он не был сто-

ронником дословного копирования письменных документов эпохи, чрезмерно густой архаизации языка. В то же время устаревшие языковые средства использовал довольно широко и требовал от издателей не выбрасывать ни единого слова из старинной лексики. В 1862 г. по случаю издания романа он писал М. Н. Каткову: «Убедительнейше прошу Вас поручить корректуру человеку, знакомому с древним русским языком и с археологией. Иначе я боюсь, что наборщики станут поправлять мне выражения, как то делали переписчики, которые ставили богатство вместо богачество, печалиться вместо печаловаться и так далее. Это может изменить не только характер речи, но и исказить смысл. Язык у меня строго современный действию, и его нельзя ни в коем случае изменить»².

Наглядным примером точности и колоритности повествования может, например, служить описание в романе поединка между боярином Морозовым и князем Вяземским: «Внутри оцепленного места расхаживали поручники и стряпчие обеих сторон. Тут же стояли боярин и окольный, представленные к полю, и два дьяка, которым вместе с ними надлежало наблюдать за порядком боя...

В это время на всех слободских церквях зазвонили колокола, и с двух противоположных концов въехали во внутренность цепи Вяземский и Морозов, оба в боевых нарядах. На Морозове был дощатый доспех, то есть старинные бахтерцы из наборных блях, наведенных через ряд серебром. Наручи, рукавицы и поножи блестели серебряными разводами. Голову покрывал высокий шишак с серебром и чернью... У бедра его висел на узорном поясе, застегнутом крюком, широкий прямой тесак... К правой стороне седла привязан был концом вниз золоченый шестопер...

Под Морозовым был грудистый чернопегий конь с подпалинами. Его покрывал бархатный малиновый чалдар, весь в серебряных бляхах...

Вооружение Вяземского было гораздо легче. Еще страдая от недавних ран, он не

хотел одеть ни зеркала, ни бахтерцов, хотя они и считались самою надежною броней, но предпочел им легкую кольчугу... Вместо шишака на князе была ерихонка, то есть низкий, изящно выгнутый шлем, имевший не венце и ушах золотую насечку, а на тулье высокий сноп из дрожащих золотых проволок, густо усыпанных во всю длину их яхонтовыми искрами...

Конь Афанасия Ивановича, золотисто-буланый аргамак, был весь увешан, от головы до хвоста, гремучими цепями из дутых серебряных бубенчиков...

... В это время раздался голос бирючей:

– Православные люди! – кричали они в разные концы площади, – начинается судный бой промеж оружничего царского, князь Афанасья Ивановича Вяземского и боярина Дружины Андреича Морозова. Тягаются они в бесчестии своем, в бою, и в увечье, и в увозе боярыни Морозовой! Православные люди! Молитесь Пресвятой Троице, дабы даровала она одоление правой стороне.

Площадь затихла. Все зрители стали креститься, а боярин, приставленный ведать поединок, подошел к царю и проговорил с низким поклоном:

– Прикажешь ли, государь, начинаться бою?

– Начинайте! – сказал Иоанн.

Боярин, окольник, поручики, стряпчие и оба дьяка отошли в сторону».

Для художественной конкретизации, как видим, писатель широко использует такие историзмы, как *окольничий, оружничий, бирючи, поручники, стряпчие, дьяки, копьа, бердыши, бахтерцы, зеркало, кольчуга, шишак, ерихонка, чалдар* и др. Даже слова *поле, бой, боец* употребляются со словообразным семантическим наполнением, характерным для эпохи. Правда, некоторые детали (соответственно, и их наименования) в хронологическом отношении не совсем точны. Однако в целом описание достоверно. Довольно широко А. Толстой воспроизводит и многие архаические формы выражения: *православные, начинается, судный, тягаются, страдники, станичники* и др.

С накоплением художественного опыта в исторических романах и повестях 1820–30-х гг. отчетливо проявляется тенденция к драматизации исторического изложения, к усилению роли диалогов и полилогов действующих лиц. Особенно заметно это проявилось в романе М. Загоскина «Юрий Милославский». Этот художественный опыт унаследовал и А. Толстой. Но благодаря собственному опыту исторического драматурга он еще в большей мере усиливает функциональную роль диалогов в тексте романа. Функции исторического повествователя во многих случаях в романе выполняют героини-сочетательницы, героини-сопостователи. Их рассказы, как и авторское повествование, документированы, чаще всего созданы на основе сведений, содержащихся в «Истории...» Карамзина. В скрытой форме включаются в них и документальные языковые средства. Рассказывая об отъезде, например, Ивана Грозного в Александровскую слободу, Карамзин приводит объяснение тому самого Грозного: «Не хотя терпеть ваших измен, мы от великой жалости сердца оставили государство и поехали, куда бог укажет нам путь»³. С использованием ряда документальных слов об этом эпизоде Серебряному рассказывает боярин Морозов: «Воротились мы в дома и долго ждали, не передумает ли царь, не вернется ли? Проходит неделя, получает высокопреосвященный грамоту, пишет государь, что я-де от великой жалости сердца, не хотя ваших изменений дел терпеть, оставляю мои государства и еду-де, куда бог укажет путь мне»⁴. Даже формы «*дома*» вместо современного для Толстого «*дома*» заимствована из истории Карамзина.

Широкое использование в романе эпизодических рассказчиков-сопостователей позволяет писателю изображать прошлое с позиции участников событий, их очевидцев, в речи сопостователей значительно шире, чем в авторском тексте, используются архаические и разговорные языковые средства, характерные для изображаемой эпохи, той или другой социаль-

ной среды. Все это значительно углубляет историзм повествования, делает его внутренне более драматичным, выразительным, позволяет шире отразить стихию устной народной речи. Широко использует Толстой в историческом повествовании, в рассказах соповествователей и диалогах фольклорные языковые средства. Благодаря мастерству драматурга, документальные языковые средства с архаизирующими элементами, разговорно-просторечные, фольклорные органически сочетаются в тексте романа, создавая стилистическую двуплановость, которая отвечает, с одной стороны, эстетическим требованиям художественной литературы середины XIX столетия, а с другой – отражает характерные чер-

ты языка эпохи Ивана Грозного. Значение романа в советскую эпоху не было оценено по достоинству. Зато сам исторический роман советской эпохи унаследовал многие стилистические черты художественно-исторических произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и А. К. Толстого. Вслед за А. К. Толстым драматизация исторического повествования и глубокий историзм языка на основе художественной синкретизации старинных и живых современных языковых средств ярко проявились в романе А. Н. Толстого «Петр Первый», В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев», В. И. Шукшина «Я пришел дать вам волю» и многих других мастеров исторического жанра XX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Виноградов В. В.* Из истории стилей русского исторического романа // Вопросы литературы. 1958. № 12.

² *Толстой А. К.* Полное собрание сочинений. М., 1964. Т. 4.

³ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9.

⁴ *Толстой А. Н.* Полное собрание сочинений. М., 1964. Т. 3.